

НАУЧНАЯ МЕМУАРИСТИКА / SCIENTIFIC MEMOIRISTICS

А.А. Кораблев
A.A. Korablev

В ЖАНРЕ МЕТАЖИЗНИ

IN THE GENRE OF METALIFE

Памяти Бориса Павловича Иванюка

Статья посвящена личности и творческой деятельности выдающегося теоретика литературы Бориса Павловича Иванюка, профессора Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, представителя Донецкой филологической школы, воспитанника Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича. Охарактеризованы основные аспекты его научных интересов: теория метафоры, жанрология, новые прочтения русской классики. Рассмотрено своеобразие его поэтического творчества. Представлены фрагменты стенографических композиций («стенодрамы») донецких конференций, где зафиксированы вопросы и ответы Б.П. Иванюка в ходе научных дискуссий – проявления живой реакции на выступления коллег и активной работы мысли. Полемическая коллизия, возникшая на юбилейной конференции в ДонГУ, куда профессор приехал со своим учеником, показательно характеризует его как наставника и педагога. Важными для понимания личности Б.П. Иванюка являются самоопределения, высказанные им в интервью донецкому коллеге, среди которых особенно значимы принципы коллективного филологического сознания – целостность и толерантность.

Ключевые слова: Борис Павлович Иванюк, теория метафоры, жанрология, стихи Бориса Иванюка, Донецкая филологическая школа, стенодрамы.

The article is devoted to the personality and creative work of Boris Pavlovich Ivanyuk, an outstanding literary theorist, professor at the Bunin Yelets State University, a representative of the Donetsk philological school, and a graduate of the Chernivtsi National University named after Yuri Fedkovych. The article describes the main aspects of his scientific interests, including the theory of metaphor, genre studies, and new interpretations of Russian classics. It also examines the uniqueness of his poetic work. The article presents fragments of stenographic compositions ("stenodrama") from Donetsk conferences, where B.P. Ivanyuk's questions and answers during scientific discussions are recorded, demonstrating his lively reactions to his colleagues' presentations and his active thought process. The polemical conflict that arose at the anniversary conference

at Donetsk State University, where the professor arrived with his student, provides valuable insights into his role as a mentor and educator. The self-definitions expressed by B.P. Ivanyuk in an interview with a Donetsk colleague are crucial for understanding his personality.

Key words: Boris Pavlovich Ivanyuk, metaphor theory, genre studies, Boris Ivanyuk's poetry, Donetsk Philological School, stenodramas.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-116-132

Борис Павлович Иванюк, о котором отныне приходится говорить в прошедшем времени, был причастен трем литературоведческим сообществам – Черновицкому, Донецкому и Елецкому. Не знаю, как в других местах, но в Донецке он был удивительно свой. Он свободно, без акцента, владел донецким филологическим диалектом, обладал даром диалогического отношения к словам, к людям, к миру, органично совмещал в своей деятельности теорию и практику и в этом совмещении достигал эстетических эффектов, когда виртуозно сопрягал далековатые понятия в неожиданные сентенции и афористичные дефиниции.

Открываем его монографию – и вовлекаемся в какую-то неостановимо устремленную энергию вдохновленной мысли. Это же музыка, орган!

«"Все огромное здание Вселенной, преисполненной жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры" – это высказывание Ортеги-и-Гассета может украсить в качестве эпиграфа любую книгу о метафоре. И не только потому, что оно обладает риторической изысканностью, свойственной афоризму герметической правотой и, конечно же, метафорически емким содержанием. В нем заключено высокое оправдание гносеологического любопытства целого цеха метафорологов, существующего не одно тысячелетие...» [3, 5].

Казалось, филология для Бориса Павловича не работа, а увлечение. Вспоминается, как однажды, приехав в Донецк, он стал с ходу звать к себе в Елец – поговорить о Гончарове. Тогда он перечитал «Обломова» и ахнул, сколько там всего неведомо-интересного. Слушая его, сразу захотелось и перечитать, и приехать. И ведь для этого всего-то нужно было быть и самому хоть немного Борисом Павловичем, чтобы так, вдруг, отложив неотложные дела, преступив обстоятельства и обязательства, уклониться в какое-то непредсказуемое интеллектуальное приключение.

А бывало и наоборот. Когда Борис Павлович наконец-то получил от меня давно обещанную, но сильно задержавшуюся статью, а вернее, введение в криптографию чеховской «Степи», он тут же загорелся и ответил так: «Я и сам давно замыслил написать о "Степи". Вы меня раздразили» (9.12.2023). Мне неизвестно, насколько далеко продвинулось его исследование, если было начато, но у меня нет сомнений, что даже в набросках оно посверкивает неожиданными наблюдениями и яркими открытиями. Хорошо было бы сопоставить наши тропинки: совпадения послужили бы дополнительным доказательством, а расхождения обозначили бы проблемы.

Даже составление словарей (поэтической речи [7] и литературных жанров [8]), не прекращавшееся на протяжении многих лет, выглядело у Бориса Павловича как занимательное коллекционирование. Особенно когда он описывал какой-нибудь экзотический экземпляр (например, «абecedарий» или «махакавью»). А некоторые его словарные статьи настолько обстоятельны, что представляются его открытиями (например, «валета» [2, 40–45]).

Когда же Бориса Павловича как известного жанролога пригласили принять участие в солидном грантовом проекте, он с не меньшим энтузиазмом выстроил из своих экспонатов словарную теорию жанра [5, 30–47].

А незадолго до кончины, предчувствуя неизбежное и следуя ходу времени итогов, он филологически прощается со своей филологией – публикует словарную статью о поминальных жанрах («некролог», «эпигидий», «мартиролог», «реквием») [6, 5–10].

* * *

А еще, не будем забывать, Борис Иванюк – поэт. Своеобразный, филологичный, метафоричный, интровертивный. С такой же, как и его наука, стилистикой: в жанрах предельно сжатого микромира и с причудливой словарной оптикой метаобразности. В соответствии с авторской концепцией, метафоры Иванюка герметичны (требуют сосредоточенной и концептуальной распаковки), онтологичны (являют событийность проживаемой жизни) и прагматичны (предопределяют диалог автора с читателем, с внешним миром, с жизненной предзаданностью) [4, 263–273].

Например, исповедальное четверостишие, начинающееся по-дантовски: «Я начал с середины...» Эта начальная середина означена определением «черешневая», причем дважды, усиливая его в тесном окружении соседстве четырех плотно поставленных строк – явное указание на особую значимость, чуть ли не ключевую, этого странноватого эпитета. Как можно догадаться, «**черешневое**» – это звуковая аллюзия на город **Черновцы**, где в 1947 году родился поэт, где жил, где в 1970 году закончил университет и потом работал там же с 1977 года. Аллюзийный образ пространства обращается в ассоциативный образ времени. Внешний мир («глушь черешневая») становится внутренним («черешневой косточкой»), вмещающим пережитое и предстоящее. «Косточка» концентрирует в себе опыт и возможности, обусловленные не только жизненной программой, но и местом произрастания.

Я начал с середины. И в глуши
черешневой, слежавшейся и прелой,
оглох и стал, как пригоршня, оседлым,
с черешневою косточкой внутри [9, 48].

Прощальные стихи тоже полны аллюзий – пушкинских, булгаковских... («Пора, мой друг, пора / На курсы кройки и пера!»). Прощальные признания о себе, о своем пути, о своих истоках: «И с тихой ниткой на запястье, / Хлебнув, отправлюсь восвояси, / У Хлебникова молока».

Мы думали, что он звездочет и книжник? Да, но: «Слабеет звездная узда, / Черствеют человечьи книги...»

Мы думали, что он слишком сложен? А он о себе: «простак».

Взгляд поэта мигает, смахивая слезу, – вот он еще здесь, а вот уже нездешний:

И в пасторальных постелах
Туда, где верхние овечки,
Туда, где примостилась речка
У нижних хижин...

Вдали от постоянных книжек
Новопреставленный простак
Беседует с немолчной речкой
На перепончатом наречьи... [1, 280]

* * *

Черновцы и Елец – места и периоды жительства профессора Иванюка, в Донецке же он бывал моментами, но это были моменты счастья – и для него, и для нас. Некоторые его выступления зафиксированы в анналах донецкой филологии. Там он живой.

Он умел слушать. Обращаясь в слух, он преображается: становится тем, кого слушает. А слушает по-разному: то с радостным узнаванием, то с ироническим недоверием, то с испытывающим или генерирующим вопросом, то поддерживая и поощряя солидарной репликой. То романтик, то реалист, то модернист, то постмодернист...

Там, в стенодрамах донецких конференций, он живет, чем в статьях, где его свобода ограничена научным дискурсом, и естественней, чем в словарях, где жанры мумифицированы, а термины неразговорчивы. Где метафора – только звук, угасаемый в цветущем камне.

А если нам представляется, что его образ в нашей памяти иллюзорный или призрачный, а подобию произвольны, то это может означать, что мы недостаточно внимательно читали великого метафоролога профессора Б.П. Иванюка.

Б.П. ИВАНЮК:

*выступления на конференции «Наследие М.М. Бахтина
и проблемы развития диалогического мышления в современной культуре»,
Донецкий государственный университет,
28–30 ноября 1996 года [10, 108–110, 116, 122–123, 123–124, 125, 148]*

«...описание человеческого опыта метафорическим языком для его кодированной передачи будущему адресату, как это было сделано в свое время мифом» (из доклада «Диалог и метафора»).

[ответы на вопросы]

М.М. Красиков. Хочу спросить о том, куда не завела вас ваша речь: что будет за постмодерном?

Б.П. Иванюк. Я предполагаю, что, естественно, должны возникнуть произведения, пародирующие постмодернизм (кстати, самопародирование есть в характере самого постмодернизма), а потом, когда возникает эффект поставленных друг против друга зеркал, приводящий к тому, что называется дурной бесконечностью, появится потребность заземления и, наверное, возникнет мифологизированное художественное сознание, которое будет не просто соотноситься с архаическим, первородным мифом, но и вступать с ним в диалогические отношения.

Э.М. Свенцицкая. Как соотносятся мифологическая реальность и диалог?

Б.П. Иванюк. Вы имеете в виду реальность мифа? Инструментом создания реальности мифа является «метаморфоза» – то, что Лосев называет «универсальным оборотничеством». Мы не можем говорить о прямом, даже о типологическом сходстве метаморфозы и диалога, но в функциональном отношении они для меня сближаемы: диалог является инструментом осуществления постмифологической культуры.

А.О. Панич. Роман Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» можно ли отнести к постмодернистским произведениям, и если нельзя, то почему?

Б.П. Иванюк. Вообще у нас всегда так получается: как только возникает понятие, оно начинает жить самостоятельно, не обращая внимания на сдерживающие начала. И я думаю, что это естественно и нормально. Лучше раскатать тесто широко и потом уже делать из него какие-то фигуры... С постмодернизмом такое же получилось. И с диалогом. Теперь под постмодернизмом понимают почти все. Получается такой постмодернизм без берегов. Но, наверное, есть какая-то внутренняя граница, и в постмодернизме, и в диалоге, которая указывает пределы дозволенного в самом себе. Такой внутренней границей в постмодернизме, я считаю, является принцип игры – игра прежде всего с прежней культурой. Игра, которая дистанцирует культуру и в то же время обласкивает ее, признавая, что это материал как бы и условный, но в то же время и связанный с реальным общечеловеческим переживанием. Таков постмодернизм, в отличие от модернизма, который все-таки нигилистически обходился с предшествующей культурой. И давайте хоть

как-нибудь соблюдать хронологические границы: постмодернизм – это, условно говоря, после модернизма.

В.В. Медведева-Гнатко. Насколько применительно по отношению к таким явлениям, как самопародирование, рефлексия, которые мы наблюдаем в постмодернизме, положение Бахтина о кризисе авторства?

Б.П. Иванюк. Кажется, Деррида говорит, что надо все время находиться между разными стилями, как-то дистанцироваться по отношению к ним... Само по себе, даже такое, признание стиля говорит о персоналистичности постмодернистского сознания. Но понятие авторства в постмодернизме иное – игровое. Здесь нет высокого, серьезного авторства, хотя оно до конца и не отрицается. Бахтин же имел в виду какие-то жанрово-стилистические факторы, обуславливающие целостность, и в этом смысле говорил о кризисе авторства.

В.В. Федоров. Скажите, на ваш взгляд, кентавр – является метафорой?

Б.П. Иванюк. Ну, если иметь в виду, что это не просто механическое соединение человека и лошади, то, наверное, да... Все-таки здесь есть какая-то возгонка одного предмета в другую ипостась.

В.В. Федоров. В таком случае другой вопрос: может ли возникнуть диалог между человеком и лошастью?

Б.П. Иванюк. Внутренний монолог, наверное, а не диалог...

И.А. Попова-Бондаренко. Есть ли основания говорить о каких-то глобальных, структурообразующих метафорах в постмодернистской культуре?

Б.П. Иванюк. Да, каждая эпоха имеет какие-то базисные метафоры...

И.А. Попова-Бондаренко. Существуют ли отношения диалогичности между базисными метафорами?

Б.П. Иванюк. Диалог предполагает сходство несходного, это сближает его с метафорой. Если речь идет о диалоге культур, то, конечно же, одна базисная метафора сменяет другую именно по принципу противопоставленности. Но антитеза – это не абсолютное разведение. Антитеза является внутренней закономерностью целостности. Поэтому можно говорить, что смена базисных метафор – это, в некотором смысле, и диалогизм.

Б.Я. Клепалов. Можно ли сам диалог назвать сверхметафорой?

Б.П. Иванюк. Можно, наверное. Вполне.

[вопросы к выступающим и их ответы]

Б.П. Иванюк (Н.Д. Тамарченко). А вот это соотношение – содержания и возможности, идеи и формы... наверное, как-то соотносимо с аристотелевскими парами? Может быть, надо было об этом хотя бы вспомнить...

Н.Д. Тамарченко. Понятно. Ну, я, конечно, признаю за Борисом Павловичем полное право считать, что это было сделать необходимо. Я только напомню, что философия Соловьева (конечно, это хорошо известно) представляет собою неоплатоническое явление, так что тут уж скорее надо было говорить о Платоне. Но я это делать не берусь, поскольку я в этой области не профессионал. Я этим занялся исключительно потому, что мне хотелось прояснить для себя категории автора и героя у Бахтина, и с точки зрения этой совершенно конкретной и глубоко практической задачи, мне кажется, что вполне достаточно ограничиться его непосредственными источниками.

Б.П. Иванюк (А.В. Домащенко). В принципе, можно по-разному толковать это стихотворение и эту фразу – «Мысль изреченная есть ложь». Можно сказать, что все сказанное есть ложь. А можно сказать иначе: речь, продолжившая мысль, это ложь, но мысль, переданная речевым сущим, это метафора. Можно, в конце концов, сказать, что всякая попытка выразить мысль по тютчевской фразе, это тоже ложь. И так далее. То есть возникает целый ряд решений, и все это напоминает ртутный шарик, который мы тщетно пытаемся надавить. Поэтому у меня появляется естественный скепсис: а вообще допустима

ли какая-либо определенная трактовка этого стихотворения или надо подходить к нему с какой-то плавающей, заведомо факультативной логикой?

А.В. Домащенко. Истина не устанавливается голосованием. Я думаю, подход к тому или другому произведению определяется самим произведением. И мне кажется, что мой подход в большей степени определяется самим произведением, которое я пытался понять, нежели другие подходы. Но это – мое мнение о моем подходе.

Б.П. Иванюк (А.О. Паничу). Не вписывается ли эта нелюбовь к филологам у Чехова в общий контекст нелюбви к профессии как таковой? Как у Кафки: антитеза «профессия – жизнь»...

А.О. Панич. Я бы уточнил. Чехов не то чтобы не любит вообще филологов – он не любит состоявшихся филологов. Филологов несостоявшихся он любит, и я пытался показать, что с ними связаны наиболее оптимистические перспективы в мире Чехова. Что касается профессии, так одно из общих мест в чеховедении 70-х заключается в том, что оценка человека у Чехова вообще индифферентна по отношению к профессии. И вот этот тезис можно было бы уточнить следующим образом: все герои Чехова едины в плане культурных проблем, которые перед ними стоят, но в плане способов решения, которые они находят или не находят, они различны, и в этом смысле профессия для человека играет огромную роль: чеховский филолог никогда не будет решать эти общие культурные проблемы тем же способом, как и чеховский философ, а чеховский философ – как чеховский художник, и т.д., и т.д.

Б.П. Иванюк. Вы говорили, что слово и молчание – это такая пара, с которой связано, я не понял, какое-то открытие Бахтина?

А.О. Панич. С этим связано самоопределение Бахтина. Я не хочу сказать, что Бахтин первым додумался, что кроме слова есть молчание, или наоборот, и что они как-то соотносятся. Мне кажется, что эта оппозиция актуальна для самоопределения Бахтина как филолога и как философа.

Б.П. Иванюк (С.И. Кормилову). Можно ли сказать, что в основном понятия Бахтина тяготеют к архитектурной основе, а не композиционной?

С.И. Кормилов. Могу сказать, что, говоря о композиционных понятиях, Бахтин, как правило, имел в виду понятия также и архитектурные. И вот тот спор, который здесь возник, насчет того, откуда мы идем к познанию, от идеи или от материала, был совершенно закономерен. Действительно, эти два подхода в высшей степени уязвимы. Мы все-таки всегда имеем представление о некоем целом, а? Просто как читатели. А потом это представление более или менее проверяем, в зависимости от того, какую конкретную задачу мы перед собою ставим. Идем ли мы сверху, снизу, сбоку, сзади – это зависит от нашей конкретной задачи. Так вот, Бахтин, конечно же, имел в виду эту целостность и утверждал приоритет архитектуры.

[выступление на заключительном заседании]

Б.П. Иванюк. Когда Михаил Моисеевич начинал свое выступление, за окном раздавался стук... Это напомнило мне финальную сцену «Вишневого сада». И вот в связи с этим у меня такая ассоциация: мы тут много говорили о диалоге, но, наверное, очень важно, почему Бахтин пришел к этой идее и почему так потом культивировал ее, обласкивал... Я думаю, что для него это был выход из одиночества. Как и для Достоевского. Да и для нас, приезжающих в Донецк, это такое же, и в профессиональном, и экзистенциальном смысле, преодоление нашего вынужденного одиночества.

Я приезжаю в Донецк, зная, что здесь каждый в своем жанре, в своем стиле, на своем месте – Панич, Медовников, Гиршман... Есть ощущение – в хорошем смысле – ожидаемости. Я как бы иду на спектакль, который хорошо знаю, но иду во второй раз, в третий... Потому что... ну, мне это нравится...

Б.П. ИВАНЮК:
выступления на конференции
«А.С. Пушкин: филологические и культурологические проблемы изучения»,
Донецкий государственный университет,
28–31 октября 1998 года [11, 71–72, 30–31, 34–35, 37, 52, 56–57, 79, 83]

Все сказанное мной дает возможность сделать такую обобщающую заявку: уподобление с его соотнесенностью с экзистенциальной парадигмой вечного исчезновения (я здесь несколько форсирую семантику) и ассоциация с ее соотнесенностью с экзистенциальной парадигмой вечного возвращения, становится параметром осознания и интерпретации пушкинского художественного сознания (*из доклада «Стихотворения-сравнения А.С. Пушкина»*)

[ответы на вопросы]

С.Н. Бройтман. Мне не совсем ясно, по какому принципу вы разделяете стихотворения-уподобления от ассоциативных. Что здесь служит материальным основанием для различения?

Б.П. Иванюк. Порядок следования. Если вначале представлен объект, с которым соотносится предмет (предмет = объект рефлексии), то происходит, естественно, уподобление, а если наоборот, то проявляется самодостаточность объекта рефлексии, и возникает ассоциирование (ассоциативный прыжок, скачок и т.д.).

И.А. Попова-Бондаренко. Насколько я понимаю, ваша типология приложима не только к Пушкину?

Б.П. Иванюк. Да. Но у Пушкина есть и одно, и другое: и установка на исчезновение, и наоборот, на самосохранение, самодостаточность. Можно, конечно, рассмотреть, как это складывалось во времени, в каких соотношениях и пропорциях... Я только подошел к этой проблеме.

Н.А. Петрова. Такое посягательство на чужие образы вообще в природе вещей?..

Б.П. Иванюк. Каверзный вопрос... Потому что, естественно, я должен ответить «да». Панметафоризм такой получается. И почти никакой шутки в этом понятии – панметафоризм – нет...

А.А. Кораблев. Хотя имя дико... (*Смех.*)

Н.С. Бройтман. Но, с другой стороны, Пропп говорил, что метафоризм мышления – это то, что нас погубит...

Б.П. Иванюк. Скажем так: и он прав... (*Смех.*) Вообще-то есть тенденции к преодолению метафоризма... Метаметафоризм – это ведь метафора кризиса...

М.М. Гиришман. Пан Мифологизм и пан Метафоризм. (*Смех.*) И пока можно находиться между ними – жизнь продолжается...

Н.С. Бройтман. А что выступает в качестве объекта уподобления? И вот тот эффект онтологизации, о котором вы говорили, возникает при любом типе объекта или только при некоторых типах?

Б.П. Иванюк. Я не рискну сразу ответить. Я не обращал на это специального внимания. Есть, я думаю, некоторая зависимость: сравнение с природным объектом – в большей степени уподобление, с культурной реалией – скорее ассоциирование... Но это предварительные наблюдения.

Н.С. Бройтман. Мне кажется, что если объект уподобления явно имеет мифологическую семантику, тогда и возникает то, о чем вы говорите, а в иных случаях это может и не возникать.

[вопросы к выступающим и их ответы]

Б.П. Иванюк (М.М. Гиришману и А.А. Кораблеву). У меня вопрос, который я хотел задать Михаилу Моисеевичу, но опоздал, а теперь увидел, что могу адресовать его и Александру Александровичу. Михаил Моисеевич говорил о том, что пушкинское поэтическое сознание оказывается исторически недостижимым, Пушкин как бы заблокировал возможности последующего самоосуществления. (*Реплика: «А Блок?»*) Естественно возникает вопрос о том, что исторически необходимо искать какой-то новый фокус целостности (например, реализованный у Хлебникова – кстати, день рождения которого сегодня). А ведь действительно это так, действительно заблокировал... Может быть, этот новый фокус целостности содержится в постмодернизме?... А то получается, что Пушкин отрезал путь всему последующему человечеству. И Константин Глебович Исупов как-то мило оправдал все это, что, мол, что бы мы ни сделали – скажем, почесав правое или левое ухо – мы находимся в силовом поле пушкинского сознания, пророчества и т.д. Вопрос: не заблокировал ли Пушкин возможность осуществления той целостности, которая в нем исторически уже состоялась?

К.Г. Исупов. Я, право, ничего такого не говорил. (*Смех.*)

М.М. Гиришман. Я могу сказать, что я вообще про заблокированность, по-моему, ни звука не говорил. (*Смех.*) Но я говорил о том, что Пушкин, действительно, максимально вывел принцип «*вновь ищущего союза волшебных звуков, чувств и дум*». С одной стороны, есть абсолютная уверенность, что это есть, но, с другой стороны, чтобы это появилось, надо найти его, и найти иначе, не по-старому, нужно – «*вновь*». В этом отношении Пушкин живет тогда, когда читают и пишут стихи. Вот эта необходимость вновь-обретения оказывается Пушкиным утвержденная как некая всеобщая закономерность. Так что это не столько блокирование, сколько некоторое открытие, но, как говорил Толстой, не расширяющее возможности, а сужающее их. Пушкин как бы требует от каждого найти себя в себе, и найти не то, что ты можешь делать (потому что можешь ты очень многое), а найти то, чего ты не можешь не делать.

А.А. Кораблев. И Гоголь, и Соловьев, и многие другие, кто влиял на формирование национальной поэтической рефлексии, увидели в Пушкине явление поэта как такового – поэта, явившего сущность поэзии. Поэтому естественно, что в читательском сознании происходит отождествление этих понятий – «Пушкин» и «поэт». И поэтому всякое приближение к поэзии, распаковывание возможностей поэтических – приписывается и Пушкину. Так что если конкретно-исторически отвечать на этот вопрос, мы не закончим эту дискуссию, а если отвечать на него в общем, то ее можно и не начинать.

Б.П. Иванюк (В.И. Тюпе). Мы знаем, что есть «горизонт ожидания» и т.п. А вы говорите о «виртуальном потенциале»...

В.И. Тюпе. Я имел в виду простую вещь: одно дело, когда ребенка заставляют заучивать, что Пушкин «сквозь магический кристалл» что-то там «неясно различал», и другое дело – дать ему кусочек этого кристалла. Чтобы у него немножечко закружилась голова. От возможности написать «роман». Чтобы действительно приоткрылась даль, которую видел и Пушкин.

Б.П. Иванюк (О.В. Таракановской). Вы говорите об «общем деле» и о том, что у Пушкина возникает установка на «частное дело». Но, говоря словами современного поэта: а что потом?

О.В. Таракановская. А «частное дело» – это то, к чему человек призван, что он реально может сделать в общении с другими людьми, и вот из этого возникает «общее дело».

Б.П. Иванюк (*Н.Т. Рымарю*). Мне кажется, что одна из важных проблем романа [«Евгений Онегин»] – проблема конфликта между природой и текстом. Не является ли сон примирением, великим компромиссом или даже разрешением этого конфликта?

Н.Т. Рымарь. Связанность сознания человека литературными моделями, которые реализуются на уровне текста, обнаруживает и ограниченность каждого персонажа... Но через мотив сна эта замкнутость преодолевается.

Б.П. Иванюк (*О.В. Зырянову*). Вы говорите о феноменологизации жанра. А что вы имеете в виду? Это индивидуальное варьирование жанрового канона или это все-таки тенденция к разрушению жанра как такового?

О.В. Зырянов. Это, конечно, не разрушение жанра. Это как бы переход его в новое художественное качество. Потому что жанр – это онтологическая категория художественного мышления, она никем не отменяема. В.Н. Турбин очень хорошо об этом писал: художник мыслит жанрами; «Евгений Онегин» – это жанровая энциклопедия, энциклопедия жанров... И вообще, художник смотрит на мир глазами жанра. И если бы это было иначе, глаза его просто разбежались бы, они вылезли бы из орбит, они стали бы, я не знаю, вращаться по каким-то хаотическим орбитам...

Феноменологизация жанра – это его актуализация, актуализация его памяти. Обратите внимание, Пушкин идет в память жанра, в архаическую память, возрождает его исходный потенциал, который был завещан. У Пушкина, как, может быть, ни у кого другого из поэтов, его современников, и вообще в XIX веке, жанр актуализирован с огромной силой. Таким образом Пушкин создавал эталонный текст. Он создал эталонный текст элегии. Другое дело, что Пушкин, видимо, занимал позицию диалогическую: т.е. как художник, как персона, как творческая индивидуальность он вступает в диалог с жанровой памятью.

Б.П. Иванюк (*А.О. Паничу*). Евгений – «ни зверь, ни человек». Но и Всадник – тоже «ни зверь, ни человек»...

А.О. Панич. Да, они одной природы – именно поэтому Петр отозвался на зов Евгения. Евгений одержим бесом (это очень четко прописано по тексту: там все хрестоматийные признаки одержимости налицо), и именно поэтому, когда он вызывает к Петру, Петр узнал себе подобного и оглянулся. Конечно, они одной природы.

В.В. Федоров. Но можно сказать и наоборот, что Медный Всадник – это и зверь, и человек.

Б.П. Иванюк. И человек, и металл...

А.О. Панич. И этот модус промежуточного существования человека вполне адекватен модусу промежуточного существования города: те же вурдалаки, о которых сегодня было говорено, по-моему, тоже вписываются в этот топос...

Б.П. Иванюк (*В.С. Баевскому*). В стихотворении «Пестель, поэт и Анна» – почему на первом месте стоит Пестель?

В.С. Баевский. Я не решаюсь прямо отвечать на этот вопрос. Но я могу рассказать историю создания этого стихотворения, и, может быть, из нее станет ясно. Самойлов был на литературной декаде, которые в советские времена проводились периодически, и там ночью, в гостинице, стал звонить домой. Его долго не соединяли, и он разговорился с телефонисткой, которую звали Анна. У них завязался телефонный флирт, и Самойлов так домой и не дозвонился, улегся спать, а когда на следующее утро проснулся, у него все это претворилось в стихотворение. Обратите внимание, что Анна там не видна – там только ее голос. Я предполагаю (но это только мое предположение), что поскольку «поэт» для Самойлова не только Пушкин, но и он сам, он на первое место поставил другого...

Б.П. ИВАНЮК:

*выступления на международной научной конференции,
посвященной 40-летию кафедры теории литературы
«Донецкая филологическая школа: итоги и перспективы»,
Донецкий национальный университет,
10–12 ноября 2006 года [12, 141–142, 154, 186–188, 189–190,
192, 202, 204, 205–206, 216, 218]*

Начну с очевидного. Восприятие произведения различает в нем две умоизобразительные ипостаси, миметизирующие «единство» и «множественность» мира... Наличие этих ипостасей обуславливает и две тенденции в поведении практикующего сознания, при мысленном их упрощении: «центростремительную» – от «периферии», от «абсолютно внешнего» (Ж. Делез и Ф. Гаттари) к «центру», к эйдосу, и обратную, «центробежную». Две эти взаимосвязанные процедуры неизбежны и обязательны для предварительной верификации целостности художественного произведения. Но в этом «маятниковом» движении можно предвидеть гносеологическую обреченность и самого произведения, и его соучастника... (из доклада «О "двойном бытии" целостности художественного произведения»).

[ответы на вопросы]

Е.Ю. Сокрута. Что приобретет филолог, «преодолевший» в себе литературоведа?

Б.П. Иванюк. На этот лукавый вопрос отвечу так. В одной из своих работ Георгий Дмитриевич Гачев говорит о «жизнелитературе», я сейчас – о «жизнелитературоведении». Без этого единства и литература, и литературоведение останутся ремеслом. Но речь идет не о биографической причастности науке, без которой не может состояться ни отдельный литературовед, ни научная школа, в том числе Донецкая, отличающаяся от научного направления как раз этой экзистенциальной приверженностью общему делу. И в этом плане вряд ли стоит соглашаться с суждением Р.-М. Рильке о том, что «есть между жизнью и большой работой старинная какая-то вражда». Речь идет о персонифицированности литературоведческой рефлексии, о том, что сама процедура общения с текстом предполагает осмысление и себя в нем и его в себе. Такой релятивистский подход, как мне кажется, свидетельствует о зрелости целостного метода, исповедуемого Донецкой школой. Филолог, способный к личностному транскрибированию текста, приобретает и свободную ответственность анализа, и ответственную свободу интерпретации художественного текста, а сам текст – перманентную диалогичность и, следовательно, актуальность. Так что и литературовед, и текст становятся обретенными.

Е.Ю. Сокрута. Возможно ли «двойное бытие» для начинающего исследователя?

Б.П. Иванюк. Вопрос сразу же вызывает представление о двух, не всегда, конечно же, возрастных, векторах практического поведения литературоведа в отношении к тексту: послушничество и своеволие. Первый предполагает «жертвенный» отказ от себя, самообезличивание ради оптимального воспроизведения структурированного смысла текста, а второй – отказ от аналитического вживания в текст и использование его в роли опорного повода для экспликации собственного сознания. Оба эти вектора вполне реализуются в современной литературоведческой практике. И то, и другое – приемлемо, и каждый вправе выбрать или отыскать свою жердочку балансирования между этими двумя соблазнами. Поэтому вопрос не в том, возможно ли «двойное бытие» для начинающего исследователя, возможно ли быть и «в себе», и «не в себе» одновременно, а в том, чтобы в авторской игре проявить авторскую исповедь.

[вопросы к выступающим и их ответы]

Б.П. Иванюк (Н.Т. Рымарю). Вы говорите о «проясненном» и «замутненном» слове. А допускаете ли вы возможность катарактического слова? Что имеется в виду: это когда

альянс звука и смысла разрушается, звуковой комплекс (неважно, какой – «молоко», «бумага»...) вызывает некий надстроечный смысл, никак не связанный с базовым понятием. Если допускаете, то где границы коннотации такого слова?

Н.Т. Рымарь. Да, но эти границы должны быть где-то глубоко... Я думаю, что само выделение такого слова продуктивно, потому что оно позволяет понять формы смерти слова, а может быть и напротив, указывает на непознанное, на другую глубину, к которой, может быть, это слово восходит, так что наше представление о «базовом понятии», содержащемся в слове, оказывается совсем неадекватным его истинной природе.

Б.П. Иванюк. Любопытно было бы создать анти-словарь, где слово сопровождал бы такой коннотативный текст, который не имел бы к нему никакого отношения.

Н.Т. Рымарь. Это было бы занятное, может быть, и увлекательное чтение...

[застольное обсуждение доклада Б.П. Иванюка]

С.В. Медовников. У нашей кафедры есть не только прошлое, у нее есть друзья. Они разбросаны по огромному пространству – от Владивостока до Ельца... *(Смех.)* Я хочу предложить тост за наших друзей. И особенно за одного из них – за нашего дорогого Бориса Павловича Иванюка. Находясь под большим впечатлением от его доклада, я посвятил ему стихотворение...

СЛОВО О СЛОВАХ
БОРИСУ ПАВЛОВИЧУ ИВАНЮКУ
ОТ ПРИЛЕЖНОГО СЛУШАТЕЛЯ

Verbatim: «Литература – это то понятие,
которое позволяет нам сесть за стол»
(Из доклада).

Я жил прицельно... ё-моё,
Мне на плечо садились птицы,
И вдруг двойное бытиё
Пересекло мои границы.

Я нищим стал в один момент
И проклял жизнь свою еловую.
Но выпал мне абонемент
В литературную столовую.

О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги!
Теперь мы все – одна семья –
Едим гуляш и курьи ноги.

Б.П. Иванюк. Алаверды!

И я здесь был,
Усы мочил,
Медовникова пиво пил...

А теперь по поводу того, о чем говорил Сан Саныч:

Здесь 40 лет народ водил

И Моисей, и Михаил
Туда-сюда, вперед и вспять
По полю дикому. И что же?
Кто, наконец, ответить сможет,
Как эту целостность понять?

Я в Донецк не просто езжу (25 лет, кстати!). И вот в дороге, во время бессонницы, я что-то сочинял. А что делать?

В.В. ФЕДОРОВУ
Дано мне слово – что мне делать с ним,
Онтологическим таким?

А.А. КОРАБЛЕВУ
Лишь я звезде позволить смог
Вступить с другою в диалог.

А.В. ДОМАЩЕНКО
Ступай за мною, не робей,
В реке купаться, герменей!

За донецкое многоцветие! Профессиональное, человеческое, кулинарное...

Е.Ю. Сокрута:

СТИШОК ПРО ИВАНЮКА
Мимо ристалищ, капищ,
Мимо храмов и баров,
Мимо шикарных кладбищ,
Мимо больших базаров
Шел Иванюк. Пел песни.
Розы дарил прохожим.
Мол, и мы тоже вместе.
Мол, и мы тоже можем.
Но видели люди:
С цветами, из Золотого века
Шествует к ним филолог,
Похожий на человека.

И.А. Попова-Бондаренко:

БОРИСУ ИВАНЮКУ и ДОНАЛЬДУ УЭСЛИНГУ
Как схожи, приглядеться если,
Коллеги Иванюк-Уэслинг!
Но в Штаты нам Иванюка
Пускать не следует пока:
Их формы, словно динамит,
Елецкий мастер разгромит.

Ю.Б. Орлицкий. Я скажу два слова. Был в советское время журнал, который назывался «Наука и жизнь». Название предполагало разъединенность этих понятий.

Но когда я бываю в Донецке, я всегда чувствую, что наука – это и есть жизнь. (*Аплодисменты.*)

Кто-то. Но не наоборот.

Б.П. Иванюк. Декарт сказал: «Мыслю – следовательно, существую». А в «Литературной газете» я прочитал развитие этого тезиса: «Не мыслю – следовательно, я живу». (*Смех.*)

Н.В. Кораблева. Борис Павлович, из вашего доклада я поняла, к чему нужно стремиться: к «состоянию онтологического покоя и субстанциальной неразличимости». (*Смех.*)

[заключительное обсуждение доклада Б.П. Иванюка]

А.О. Панич. ...в ситуации перехода от модерна к постмодерну возможна еще третья мировоззренческая установка. И эту третью установку, еще одну альтернативу, как раз и представляет собой философия диалога. Ее формируют люди, которые недостаточно наивны и недостаточно традиционалистичны, чтобы примкнуть без остатка к одному гранд-нарративу, и недостаточно циничны, чтобы подвергнуть сомнению все гранд-нарративы в равной степени. В результате возникает совершенно особая установка на целое, которое преодолевает себя изнутри себя навстречу другим целым, но сохраняя и корни в себе, и в то же время возможность увидеть целое другого. Отсюда проистекает философия диалога, отсюда проистекает установка, которая тоже неоднократно озвучивалась на конференции: здесь можно, с одной стороны, вспомнить Бориса Павловича [Иванюка] и его тезис о литературоведе, который преодолевает себя как литературоведа, а рядом поставить откомментированный очень глубоко Виктором Ароновичем [Малаховым] тезис философии диалога о бытии, которое преодолевает себя как бытие, но преодолевает его и не в виде кантовской трансценденции, и не в виде диалектического снятия. И то, и другое очень важно, потому что эти два «не» подводят к вопросу, который уже давно ставит Александр Александрович [Кораблев], – к вопросу о диалогике. К вопросу о том, нужно ли эту установку на диалог подкрепить особого рода логикой. Я очень долго к этому тезису относился скептически. Сейчас я бы сказал, что я вижу условия, при которых это можно было бы осуществить...

Д.С. Урусов. Когда Борис Павлович [Иванюк] сказал, что будущее принадлежит филологии, или науки вообще не будет, имея в виду гуманитарную науку, он прав, но только в том смысле, что то, что принадлежит будущему – это уже не филология.

Е.Ю. Сокрута. Что касается впечатлений, то как-то именно сегодня, к концу конференции, у нас, у принимающей стороны, появилось ощущение, что жизнь удалась. Первые два дня это было не так очевидно, а вот сегодня – стало. И когда в пятницу Борис Павлович [Иванюк] говорил о единстве жизни и литературоведения, это как-то не сходило, а сегодня – сошлось.

* * *

Невозможно было не заметить, что на конференцию 2006 года Борис Павлович Иванюк приехал в Донецк не один, а со своим аспирантом Дмитрием Сергеевичем Урусовым. Благое дело – окунуть ученика в купель целостности, визуализировать в его сознании облики именитых филологов, подружить его с донецкой молодежью – словом, закрепить и продолжить донецко-елецкие онтологические отношения...

Так можно было подумать, если бы не доклад, с которым приехал ученик. Он приехал, чтобы *деконструировать* Донецкую филологическую школу, или, проще говоря, разрушить ее, или, как он сам выразился, похоронить ее, демонстративно вбить гвоздь в ее гроб. И время для этой акции выбрал самое подходящее – юбилей, торжество, стечение друзей и сторонников из разных мест Украины, России, Беларуси и даже из более отдаленных краев – из США, Японии, Германии...

Выступление Урусикова было в жанре: именно таким, каким должно быть разрушение филологического Карфагена, – побуждаемое знанием исторической необходимости и чувством личного долженствования:

Д.С. Урусиков. ...Так вот, так как это конференция подведения итогов, попробую их подвести. В отличие от вас. Так как вы не хотите ставить точку, то попробую поставить ее я, потому что если вы не будете ее ставить, то другие поставят. <...>

Я не полемизирую здесь с Донецкой школой непосредственно. Фактически реальным объектом моей деконструкции является филология вообще, в основании которой лежит метод герменевтики, и, условно говоря, пресуппозицией которой является понятие целостности. Так вот, речь фактически идет об упразднении самой филологии.

Чем больше вы будете способствовать вытеснению подобного рода произошедшего эпистемологического сдвига, пытаясь его законсервировать в теоретических формах той системы мышления, которая была характерна для предшествующего периода, т.е. собственно филологии, тем больше в конце концов масштаб и интенсивность деконструкции вы получите на выходе. Чем больше вытеснение, тем масштабнее деконструкция.

Это были итоги, а теперь что касается перспективы. Единственной перспективой является непосредственное расформирование школы. Не дожидаться, пока придут люди и сделают это за вас, не спрашивая вас и не дожидаясь, будете ли вы ставить точку или не будете.

Намерения и решительность молодого человека в целом понятны. Интереснее другое: почему учитель, зная умонастроения ученика, привез его в Донецк? Можно подумать, что он соучастник этой деконструкции. Или даже инициатор. Разве не он воспитал наследника?

Скандал вышел на славу. Выступление Урусикова вызвало возмущения и возражения, оно запомнилось и потом вспоминалось. Но сейчас мы вспоминаем Бориса Павловича и обращаемся к нему: что это было?

Чтобы правильно понять этот момент в целостной биографии нашего друга, надо учесть важное обстоятельство: шокированы и возмущены были гости, а не хозяева конференции. И не потому, что донецкие такие деликатные. Отнюдь. Они такие по духу своей школы. Они слышали человека, имеющего свою позицию, и отнеслись к его выступлению с пониманием, а кое-кто и с одобрением.

С.М. Медовников. Мы уже третий день здесь хорошо сидим и рассуждаем, а Вишневый Сад уже продан... Невозможно пройти мимо той полемики, которая недавно произошла. Ее можно описать в литературоведческой терминологии. Это трагическая ситуация. Вот наш мир, он устоялся, он самодостаточен, имеет свое оправдание и свой смысл... Пришел человек, другой, настоящий, дерзкий, и он видит несовершенства этого мира и хочет его сдвинуть. А мир не хочет сдвигаться, ему удобно в своем пребывании.

На самом деле нет здесь особо высокого драматизма, потому что только то убеждение истинно, которое допускает прямо противоположное о себе мнение. А нам этого очень не хватало. Мы можем сказать Дмитрию Сергеевичу [Урусикову] спасибо, и он, кстати, не похож на розового комсомольского вождя. Он похож на убежденного, мужественного человека, который отстаивал свою истину. Достоин и горячо. Так и нужно. А кто прав? – в трагедии нет виноватых, а все правы. Во всяком случае, у нас еще один мощный повод для того, чтобы задуматься. К тому же полемика – это перец конференции. Может быть, сама конференция – только приправа к полемике.

А.О. Панич. Мне тоже хочется сказать Дмитрию Сергеевичу [Урусикову] спасибо за очень провокативный доклад, который уж в одном, во всяком случае, преуспел: он никого не оставил равнодушным, и некоторые не вполне корректные вопросы меня задели

еще больше, чем само выступление Дмитрия Сергеевича – они, как мне кажется, показывают, что, возможно, есть определенное рациональное зерно в том, что он говорил.

По ходу – две реплики в качестве эпиграфов к тому, что я собираюсь сказать.

Во-первых, фраза «Избавьте меня от вашего диалогизма» замечательно прозвучала как реплика в диалоге, и здесь вызывает оптимизм сам факт, что перформативная сторона этой реплики в известном смысле снимает или, во всяком случае, остраивает план содержания.

А второе – вчера премьер-министр Украины В.Ф. Янукович, давая интервью корреспонденту телеканала «Интер», высказывался очень резко об украинском министре иностранных дел, с трудом удерживаясь от перехода на привычный ему донецкий матерный извод русского языка, – удержался и сказал следующее: «Если ты мужчина, уйди сам, а если ты не можешь уйти сам, мы тебе поможем».

Вот стремление Дмитрия Сергеевича помочь Донецкой филологической школе поставить точку, если она сама отказывается это делать, показывает, что Дмитрий Сергеевич успешно продолжает некоторые традиции, уж не знаю, лучшие или худшие, но донецкой культуры, – в этом смысле он вполне наш человек. (*Смех, аплодисменты*).

А.А. Юдин (*Киев*). Когда я слушал доклад Дмитрия Сергеевича [Урусикова], то, с одной стороны, находил его аргументативно очень здорово построенным, но с другой – я отчетливо ощущаю некое явление, некую общность людей, которые мне глубоко симпатичны. Я не могу для себя определить, в чем природа этой общности. Концептуально у меня не хватает ресурсов для этого. И пока я остановился на слове, которое Александр Александрович [Кораблев] обозначил как обозначение своей парадигмы – «тайна». Я хочу сказать, что эта тайна будет, вероятно, занимать мои мысли теперь...

Вот это и есть «целостность», которую, как говорят, так трудно, так невозможно постичь. «Теплота сплывающей тайны». Она постигается в диалоге. А подлинный диалог возникает тогда, когда он предполагает целостность общения. В Донецке есть и свои «деконструктивисты» (В.Э. Просцевичус, В.В. Стамати), которые взрывают слишком закосневшие смыслы, но, независимо от своих намерений, они восполняют общую, объединяющую всех причастных филологическую целостность.

Когда-то, когда сами организаторы юбилейной донецкой конференции были в возрасте дерзкого ниспровергателя из Ельца, они тоже ездили в стан своих концептуальных противников – в структуралистскую цитадель Тарту. И тоже, что примечательно, по благословению своего учителя – М.М. Гиршмана. И в этих поездках главным было не столько утверждение собственной позиции, сколько понимание, что на высотах и глубинах постигаемого знания противоположности сходятся.

Борис Павлович привез Урусикова в Донецк, может быть, не без колебаний, но с твердой уверенностью, что это поможет ученику критически определиться в своих принципах и воззрениях. Потому что когда-то в Донецке он и сам прошел некую инициацию (назовем ее «дантовой»), которая предопределила его отношение к научному инакомыслию и к самой научности. В 1998 году, отвечая на вопросы историографа Донецкой филологической школы, он рассказал о начале своего научного пути, и теперь уже можно заключить, что этим путем он шел до конца своей жизни. Как идут многие из нас. Чтобы увидеть звезды.

Вопрос. *Что именно отличает донецких филологов от их коллег из других научных центров?*

Б.П. Иванюк. Донецкая филологическая школа, и для меня, и, наверное, для каждого, кто в нее входит, это такое единство биографического, профессионального, психологического... Это то, что можно назвать персоналистическим литературоведением. Я как бы отчуждаюсь от самого себя, когда приезжаю в Донецк,

когда участвую в донецких конференциях – когда все во мне резонирует: человек, профессионал... Я нахожусь как бы внутри своей души, внутри своего сознания, и я вижу, что я сам в разных ипостасях, потому что каждый из представителей этой школы – это моя определенная ипостась. Я как бы сам с собой веду полифонический диалог (полилог)... Вот это чувство причастности к жизни, к литературе, к науке, к себе... – может быть, это и есть главное определение, что такое донецкая филологическая школа...

Вопрос. *Занимают ли работы донецких филологов какое-нибудь место в вашем научном сознании? Имеются ли какие-либо точки соприкосновения или отталкивания?*

Б.П. Иванюк. Я как бы «нашелся»... Я издал методичку, разослал всем, кто мог бы ею заинтересоваться – и единственный человек, который откликнулся, это был М.М. Гиршман. Но дело, в данном случае, не в том, что он таков по сути, а в том, очевидно, что я интуитивно, ощупью, как тропинкой в темноте, шел к тому, что, оказывается, было открыто в Донецке. Меня «нашли», но я брел к этому и сам. Та определенная профессиональная установка, которая у меня уже была, тут вдруг оказалась реализованной.

Во-первых, конечно, целостность. Я действительно целостник (по крайней мере, пытаюсь им быть), поскольку это качество не столько реального, сколько идеального.

А во-вторых – то, что мне всегда и по жизни нравится, и профессионально: толерантность. Открытость. Вот как мы объясняем реализм (это как бы и очень просто, и очень сложно): признание жизни какой она есть. А значит, признание толерантного существования в самом себе, в своих профессиональных и просто человеческих размышлениях. Не бояться, не сужать себя (вопреки Достоевскому – что человек широк, надо бы его сузить...). Жить открыто.

И все это я нашел в донецком филологическом мышлении, в донецком филологическом сознании. Поэтому я сюда приезжаю как к самому себе. Не как к храму. Я просто чувствую, что как-то сам расширяюсь, становлюсь толерантным, многоаспектным, много-значительным. Поэтому, общаясь с каждым из персонифицированных участников этого коллективного филологического донецкого сознания, я понимаю, что я общаюсь сам с собой. Это для меня важно, эти два принципа: целостность и толерантность [11, 12, 18–19].

1. Иванюк Б. Из цикла «Закладки» // В кругу друзей, коллег, учеников: сборник научных статей к 75-летию профессора Бориса Павловича Иванюка. Елец, 2023. С. 275–280.
2. Иванюк Б.П. Валета: словарный формат // *Philologos*. 2019. № 1 (40). С. 40–45.
3. Иванюк Б.П. Метафора и произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования). Черновцы, 1998.
4. Иванюк Б.П. Метафорический код восприятия художественного текста // В кругу друзей, коллег, учеников: сборник научных статей к 75-летию профессора Бориса Павловича Иванюка. Елец, 2023. С. 263–273.
5. Иванюк Б.П. Основные направления исследования жанра в жанрологических понятиях // *Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов* / О.В. Зырянов, Т.А. Снигирева, Е.К. Созина [и др.]. Екатеринбург, 2010. С. 30–47.
6. Иванюк Б.П. Поминальные стихотворные жанры: словарный формат // *Philologos*. 2025. № 3 (66). С. 5–10.
7. Иванюк Б.П. Поэтическая речь: словарь терминов. М., 2007.
8. Иванюк Б.П. Словарь лиро-эпических жанров. Елец, 2019.
9. Иванюк Б. [Стихи] // *Дикое поле*. Донецк, 2004. Вып. 5.
10. Кораблев А.А. Донецкая филологическая школа: Опыт полифонического осмысления. Донецк, 1997.
11. Кораблев А.А. Донецкая филологическая школа: Пушкинский выпуск. Донецк, 1999.
12. Кораблев А.А. Донецкая филологическая школа: Ретроспекции. Донецк, 2007.

1. Ivanyuk B. Iz tsikla «Zakladki» // V krugu družey, kolleg, uchenikov: sbornik nauchnykh statey k 75-letiyu professora Borisa Pavlovicha Ivanyuka. Elets, 2023. S. 275–280.

2. Ivanyuk B.P. Valeta: slovarnyy format // *Filologos*. 2019. № 1 (40). S. 40–45.
3. Ivanyuk B.P. *Metafora i proizvedenie (strukturno-tipologicheskii, istoriko-tipologicheskii i pragmaticeskii aspekty issledovaniya)*. Chernovtsy, 1998.
4. Ivanyuk B.P. *Metaforicheskiy kod vospriyatiya khudozhestvennogo teksta // V krugu družey, kolleg, uchenikov: sbornik nauchnykh statey k 75-letiyu professora Borisa Pavlovicha Ivanyuka. Elets, 2023. S. 263–273.*
5. Ivanyuk B.P. *Osnovnye napravleniya issledovaniya zhanra v zhanrologicheskikh ponyatiyakh // Evolyutsiya zhanrov v literature Urala XVII–XX vv. v kontekste obshcherossiyskikh protsessov / O.V. Zyryanov, T.A. Snigireva, E.K. Sozina [i dr.]. Ekaterinburg, 2010. S. 30–47.*
6. Ivanyuk B.P. Pominal'nye stikhotvornye zhanry: slovarnyy format // *Filologos*. 2025. № 3 (66). S. 5–10.
7. Ivanyuk B.P. *Poeticheskaya rech': slovar' terminov*. M., 2007.
8. Ivanyuk B.P. *Slovar' liro-epicheskikh zhanrov*. Elets, 2019.
9. Ivanyuk B. [Stikhi] // *Dikoe pole*. Donetsk, 2004. Vyp. 5.
10. Korablev A.A. *Donetskaya filologicheskaya shkola: Opyt polifonicheskogo osmysleniya*. Donetsk, 1997.
11. Korablev A.A. *Donetskaya filologicheskaya shkola: Pushkinskiy vypusk*. Donetsk, 1999.
12. Korablev A.A. *Donetskaya filologicheskaya shkola: Retrospektii*. Donetsk, 2007.

Информация об авторе

Александр Александрович Кораблев,
Донецкий государственный университет
(Донецк, Россия).
284637, Россия, ДНР,
Горловка, пр-т Ленина, 170/29.
Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории русской
литературы и теории словесности.
Научные интересы: поэтика текста, жанрология.
ORCID ID: 0000-0003-1362-6283
SPIN-код: 3447-4495, AuthorID: 350701
E-mail: dikoepole@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.04.2026;
одобрена после рецензирования 15.05.2026;
принята к публикации 15.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

Information about the author

Alexander A. Korablev,
Donetsk State University
(Donetsk, Russia).
284637, Russia, DPR,
Gorlovka, Lenin avenue, 170/29.
Doctor of Sciences in Philology, Full Professor,
Head of the Department of History of Russian
Literature and Theory of Philology.
Research interests: poetics of text, genre studies.
ORCID ID: 0000-0003-1362-6283
SPIN-code: 3447-4495, AuthorID: 350701
E-mail: dikoepole@rambler.ru

The article was submitted 27.04.2026;
approved after reviewing 15.05.2026;
accepted for publication 15.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Кораблев, А.А. В жанре метажиизни // *Филологос*. 2026. № 2 (69). С. 116–132. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-116-132.

For citation: Korablev, A.A. In the genre of metalife // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 116–132. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-116-132.

Права: © А.А. Кораблев (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).